

Дмитрий Захарьин (Констанц)

ПУТИН И ПЕТР ПЕРВЫЙ. СТЕРЕОТИПЫ РУССКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ В СИСТЕМЕ МНОГОКАНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Среди филологических дисциплин, реорганизующих свой подход к культуре, славистика до сих пор занимает наиболее консервативные позиции. Преобладающей ориентацией славистических исследований по-прежнему остается письменный текст, который отождествляется с культурным текстом и, шире, с культурой. В частности, русская культура с подачи большинства славистических изданий до сих пор выглядит как канон избранных авторов, коммуницировавших и коммуницирующих друг с другом посредством взаимных отсылок. Такой подход, еще допустимый в западно-европейской традиции, обнаруживает всю свою парадоксальность именно в приложении к русской культуре.

Назовем лишь две главные причины этой парадоксальности. Первая связана с традиционно враждебным отношением русского православия к риторике, с запоздалым и трудным становлением русской литературной традиции.¹ Вторая причина состоит в отсталости письменных бюрократических практик в России, а значит и тех юридических механизмов управления, на которых построена организация западно-европейских обществ.² Таким образом, славистика сосредоточена на изучении той культуры, которая стала

¹ Tetzner, J. 1958: Theophan Prokopovič und die russische Frühauflklärung, in: *Zeitschrift für Slavistik*, 3, 351-368; Steinkühler, H. 1983: Die Theorie der Rede in Rußland zu Beginn des 17. Jahrhunderts. Die Makarj-Rhetorik im europäischen Kontext, in: *Slavische Barockliteratur* II. Hrsg. von R. Lachmann. München, 153-178; Успенский, Б. 1988: Отношение к грамматике и риторике в Древней Руси (16-17 вв.), в: *Литература и искусство в системе культуры*. Москва, 208-224; Lachmann, R. 1994: *Die Zerstörung der Schönen Rede. Rhetorische Tradition und Konzepte des Poetischen*. München.

² Keipert, H. 1982: Russische Sprachgeschichte als Übersetzungsgeschichte, in: *Slavistische Linguistik 1981*. Referate des VII. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens. Mainz. 30.9.-2.10.1981. Hrsg. von W. Girke. München, 67-101. Захарьин, Д. 1995: *Европейские научные методы в традиции старинных русских грамматик* (15-сеп.18 в). München.

развиваться в России на основе поздних культурных заимствований, или правильнее сказать, имплантаций.

Практически неразработанными на материале русской культуры остаются *антропологический* и *этнологический подходы*, порывающие с традиционным европейским логоцентризмом и специализирующиеся на описании бесписьменных, доиндустриальных сообществ. Характерно, что именно эти подходы исторически являлись наименее поощряемыми в самой России. Через ориентированность на письменный текст, на литературный канон русская культура в самой радикальной форме демонстрирует свою причастность к ценностям западной цивилизации. Примечательно, что до сих пор антропологический дискурс почти не коснулся состояния русской материальной культуры, ее исторического состояния в сравнительной перспективе.³ Исследования русских народных обычаев редко выходят из схемы классической герменевтики, в рамках которой уравниваются понятия «ритуал» и «текст». Описания ритуалов и культурных практик поэтому, как правило, сведены к собранию пословиц, частушек и поговорок, сочиненных, как считается, самим народом.⁴

Антропологический подход к культуре выходит за рамки текста, как и за рамки отдельных практик, он сосредоточен на описании общих принципов поведения человека в биологической и социальной сферах своего проживания.

Назовем основные теоретические положения, объединяющие культурную антропологию и теорию социальной коммуникации, которые далее будут проиллюстрированы русскими поведенческими стереотипами:

– Взаимодействие человека со средой осуществляется через *сенсорные каналы*: зрительный, слуховой, ольфакторный, вкусовой и осязательный.⁵ В

³ Работы И. Забелина и А. Арциховского, посвященные истории русского быта, представляют собой редкие исключения из массы сочинений, в которых культура безусловно понимается как «письменная культура», связанная с традицией кириллических рукописей и печатных изданий. Ср. Забелин, И. 1915: *Домашний быт русских царей*. Т. II. Москва; Арциховский, А. В. 1968: *Очерки русской культуры XIII-XV веков*. Часть Первая. Москва; Арциховский, А. В. 1977: *Очерки русской культуры XVI века*, ч. I. Москва.

⁴ Афанасьев, А. 1957: *Народные русские сказки*. В 3-х томах. Москва; Сперанский, М. 1916-1917: *Былины*. Москва, и т. д.

⁵ Представления о коммуникативных каналах наиболее детально разрабатывались после войны американскими антропологическими школами. Ср. Hall, B. 1956: *The silent language*. New York; Mehrabian, A. 1967: Orientation behaviours and nonverbal attitude communication, in: *Journal of Communication* 17 (1967), 324-332; Bull, P. 1983: *Body Movement and Interpersonal Communication*. Chichester, New York, Brisbane, Toronto, Singapore; Poyatos, F. 1983: New perspectives in nonverbal communication: studies in cultural anthropology, social psychology, linguistics, literature, and semiotics Fernando Poyatos, in: *Language and communication library* 5.

социальной среде, где коммуникация строится в основном как речевая, главная нагрузка приходится на зрительный и слуховой каналы. Однако и ольфакторный, и вкусовой, и осязательный каналы способны модифицировать качество информации, полученной вербальным путем. Так, наблюдения, типа «от нее пахнет чесноком» или «у него холодные руки» в определенном контексте могут вступать в противоречие со словесными сентенциями, например, комплиментами и формулами вежливости.⁶ Таким образом, реальная коммуникация складывается из сигналов, передаваемых разными каналами. Эти сигналы могут взаимно усиливать друг друга, налагаться, выступать в дополнительной дистрибуции один к другому, производить сбой и т.д. Из первого положения логически вытекает второе.

– Взаимодействие человека с себе подобными осуществляется как прямым, так и опосредованным путем. В этом смысле целесообразно различение общения «лицом к лицу» (*face-to-face communication*)⁷ и дистанцированного общения, в котором носителями информации выступают третьи лица (гонцы), письма, а также теле-медиумы, как радио, телефон и прочие.⁸

Доиндустриальные и так называемые традиционные общества обладают весьма ограниченными возможностями телекоммуникации. Характерно, что до 14-го века в Средневековой Европе не известно производство бумаги, а другие материалы, позволяющие хранить и передавать информацию, такие как пергамент, являются слишком дорогостоящими для массового употребления.⁹ Культурному нормированию в таких обществах подлежат отнюдь не способы оформления вербальной информации, такие как риторические

⁶ Zachar'in, D. 1998: Die olfaktorische Kommunikation im russischen und westeuropäischen Paradigmenwechsel (des 17-19. Jh.), in: *Wiener Slawistischer Almanach*. B. 41. München, 5-39.

⁷ Frey, S. 1984: *Analyzing face-to-face interaction: a system for the integrated analysis of multiple time-series of nonverbal and verbal behaviour*. Paris; Fishman, J. 1983: *Face-to-face interaction*. Berlin.

⁸ Преемственность между тем и другим видами коммуникации увязывается Маклуэном с идеей «расширения тела». MacLuhan, M. 1969: *The Gutenberg galaxy: The making of typographic man*. New York; MacLuhan, M. 1964: *Understanding media: The extensions of man*. New York. У данной идеи, безусловно, были предшественники, такие как немецкий физик Капп и русский математик-теолог П. Флоренский, высказавшие в конце 19 в. - нач. 20-го вв. положения об «органопроекции». Инструменты, артефакты и установки для передачи информации являются, согласно этим положениям, «проекциями человеческого тела». Данная концепция не проясняет вопроса с исторической точки зрения: в каких исторических контекстах и в связи с чем тело подвергается медиальному расширению. Ср. Kapp, E. 1877: *Grundlinien einer Philosophie der Technik*. Braunschweig; Флоренский, П. 1985-1989: *Собрание сочинений*. Paris.

⁹ Braudel, F. 1985: *Sozialgeschichte des 15.-18. Jahrhunderts*. München (orig. *Civilisation matérielle et capitalisme, XV- XVIII siècle*. Paris. 1979) 418-444.

зачины, обращения и комплименты, но сами правила приближения–удаления, делающие доступным вербальное общение внутри социальной иерархии. Одним из, видимо, главным из них является церемониальная дистанция, позволяющая низшим подходить на то расстояние, на котором их речь может быть услышана Высшими.¹⁰ В том обществе, где не разработаны методы телекоммуникации и ограничены возможности для свободного передвижения людей и слов, сама дистанция между просителем и подателем становится фактором социального успеха.

В дальнейшем мы будем различать три принципа символической организации общества: при одном функцию социального фильтра выполняет дистанция, включающая церемониальные правила приближения и удаления собеседников. Такой порядок мы будем называть *проксемическим*. В другом случае роль социального фильтра при распределении привилегий выполняют нормированные телесные практики: нормы владения оружием, нормы движения в танцевальном зале, нормы жестикуляции в разговоре. Такой порядок мы будем называть *кинетиическим*. В третьем случае ведущая роль принадлежит *вербальным* техникам коммуникации, тесно связанным с бюрократическими практиками управления. Такой общественный порядок мы будем называть *вербальным*.

Наша *первая* гипотеза связана с культурной значимостью *проксемического порядка* в организации русского социума. Уже в 16-17-ом вв. церемониал при дворах русских царей значительно отличается от своих западно-европейских аналогов.

Если в программах: Godefroy, *Ceremonial de France* (1619), de Callieres, *Des Mots a la mode et nouvelles facons de parler* (1693) значительное внимание уделяется церемониальному красноречию, то русский придворный чин отмечен крайне низкой степенью вербализованности. Это не значит, что при царских дворах вообще не говорят. Можно утверждать, что риторика не несет церемониальной нагрузки, то есть не является частью властного механизма. Англичанин Флетчер пишет в своем трактате о России (1588), что заседания бояр в Думе проходят без дискуссий, или дискурса. Бояре отвечают на вопросы царя подряд, в соответствии с чином и все в одной форме, как заученный урок. «[...] they answer in order, according to their degrees, but all in one forme without any discourse: as having learned their lesson before»

¹⁰ Об этом подробнее на историческом материале в моих статьях: Zachar'in, D. 1998: Pluktions-Blockade und brachiale Redeverbote. Konversation und Körperaktion, in: *Wiener Slavistischer Almanach*. B. 42. München, 5-43; Zachar'in, D. 2000: Symbolische Körperhaltungen. Eine Differenz zwischen russischen und westeuropäischen Zeremonial-«Grammatiken» des 16. und 17. Jahrhunderts, in: *Gestik. Figuren des Körpers in Text und Bild* (in der Reihe Literatur und Anthropologie. B. 8). Tübingen, 87-102.

(Fletcher 1588/1591: 30).¹¹ Они имеют обыкновение вести свои беседы сидя, — сообщает посланник польского короля Якоб Ройтенфельс в 1680 (*Solentque colloquia sua sedendo semper soociare*), — и считают нас вертопрахами за привычку вести беседы в движении.¹²

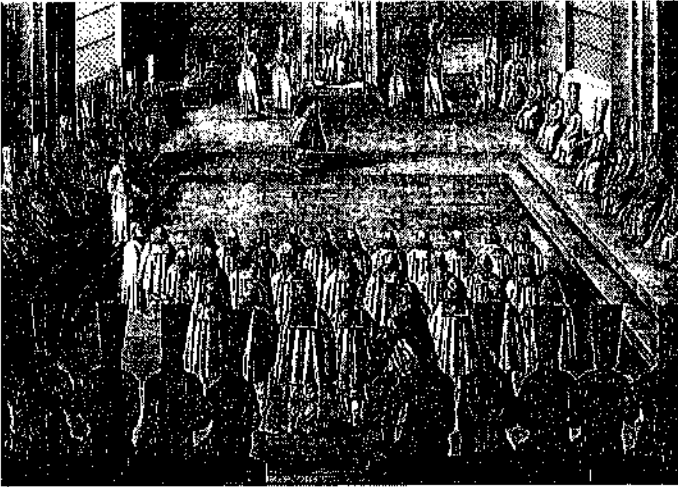

Иллюстрация 1: Древнерусский проксемический церемониал. Прием шведского посольства. Olearius 1656, Vermehrte Neue Beschreibung [...]

В системе местничества в коммуникативно маркированной функции выступает не столько речь, сколько расстояние до трона, а также порядок сидения или стояния на Красном и Постельном крыльце. Во время торжественных литургий в Успенском соборе царь и патриарх стоят на двенадцатой ступени лестницы, митрополит на восьмой, архиепископ на шестой, епископ на четвертой. Дворцовые разряды, в которых протоколировались царские застолья, называют сначала сидящих бояр, затем стоящих справа от трона, затем стоящих слева, далее сидящих в передней дворян и гостей. Только два места, ближайших к царю, занимают по предвари-

¹¹ Fletcher, G. 1591/1968: The Russe Commonwealth, in: Berry, L./Crummey, R. 1968: *Rude & Barbarous Kingdom. Russia in the Accounts of Sixteenth Century English Voyagers*. London, 109-246.

¹² "Solentque colloquia sua sedendo semper soociare, ac nostras inter confabulandum deambulationes levitatis reas taxare" (Reutenfels 1680, Liber III, cap. 13, 191).

тельно согласованному регламенту. Относительно других ведутся местные прения.¹³

Боярина, который не желает садиться с другим боярином,

Царь, – как сообщает Григорий Котошихин, – велит посадить сильно, и он посадит себя не даст и того боярина бесчестит и лает, а как его посадят сильно, и он под ним не сидит же и выбивается из-за стола вон, и его не пущают и розговораивают, чтоб он царя не приводил на гнев и был послушен, и он кричит хотя де царь ему велит голову отсечь, а ему под тем не сидеть, и спустится под стол, и царь укажет его вывезть вон и послать в тюрьму или до указа к себе на очи пущати не велит, а после того за то ослушание отнимаетца у них честь, боярство ... и потом те люди старые своея службы дослуживаются вновь [...].¹⁴

Так, как следует из *Дворцовых разрядов*, вел себя, например, боярин князь Иван Ромодановский, не желавший сидеть рядом с бояриным Бутурлиным:

[...]и князь Иван с скамьи упал, и его подняли и велели посадить под Васильем Бутурлиным, и его держали на руках за столом.¹⁵

Вербализация или, точнее сказать, риторизация коммуникативных стратегий, имевшая место в Западной Европе, протекала на фоне модернизации бюрократического аппарата. Уже в 17-м веке в иезуитских школах обучаются специальные кадры, способные вести дипломатические переговоры, бухгалтерию при дворе и, главное, отвечать на письменные прошения. В результате большое число подданных получало возможность общаться с властью через посредство письма. Другими словами, вместе с развитием телекоммуникации, отпадала необходимость в прямом общении с монархом. Распространявшиеся в России, начиная с 16-о в. приказы, представляли собой весьма неэффективный, в сравнении с западно-европейским, бюрократический аппарат. «Положить дело под сукно», – этот метакоммуникативный (внешний по отношению к письменной коммуникации) прием хорошо описан в литературе в связи с отсталостью юридических практик в России.

¹³ См. подробно: Маркович, А. И. 1888: *История местничества в московском государстве в XV-XVII веке*. Одесса (= Slavistic printings and reprintings. ed. by C.H. Schooneveld. B. 192. Mouton, The Hague, Paris 1970).

¹⁴ Котошихин, Гр. 1645-1676: *О России в царствование Алексея Михайловича*. Pennigton, Oxford. 1980, 66-67.

¹⁵ Полная цитата: "И околничей князь Иван Ромодановский бил челом Государю в отечестве на околничаго Василья Бутурлина и за стол к патриарху с верху не пошел. И Государь велел его посадить под Васильем Бутурлиным думному дьяку Семену Заборовскому; и князь Иван с скамьи упал, и его подняли и велели посадить под Васильем Бутурлиным, и его держали на руках за столом" (*Дворцовые Разряды*, по высочайшему повелению изданные II отделением собственной Его Императорскаго Величества канцелярии. Т.3, Санкт-Петербург, 1852, Прим. 43, 156).

Можно предположить, что в обществе, в котором негативное отношение к риторике и письменно нормированной коммуникации закреплено культурной традицией, имеет место приоритет прямого (face-to-face) общения над опосредованным. Проксемический порядок, который характеризуется слабой нормированностью политического дискурса, имеет преимущество над вербальным, при котором, напротив, правила физического приближения и удаления играют вторичную роль. Незакрепленностью вербального порядка в представлениях и поведении социальных актеров можно объяснить многие закономерности русской истории: почему, например, узкий, намытый в течение двух веков, пласт риторической дворянской культуры оказался в буквальном смысле унесен волнами красного террора после революции 1917 года.

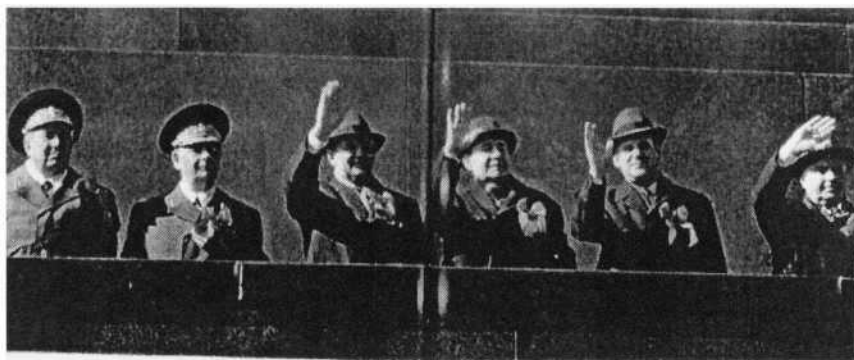

Иллюстрация 2: Советский «проксемический» церемониал. Трибуна Мавзолея Ленина во время праздничной демонстрации. По расположению фигур можно судить о характере политических иерархий.

Вероятно также, что, разрушив традицию самодержавного политического красноречия, советская номенклатура не имела другого пути, кроме возвращения к более древнему и культурно апробированному принципу организации социума. Поэтому законно видеть преемственную связь между церемониальным сидением бояр в царских палатах и построениями руководителей партии в советских политических церемониях. Еще в 70-е – 80-е годы 20-го в. информация о расстановке политических сил в Советском Союзе передается вовне не через устные и письменные высказывания официальных лиц, но скорее через их расстановку на трибуне ленинского мавзолея.

«Информированные почитатели», – пишет журнал *Шпигель* от 14 ноября 1983 года, – «могут проследить выдвигания и падения, а вместе с тем и идеологическую линию, – по той последовательности, в которой стоят члены

Политбюро»,¹⁶ Во время похорон государственного вождя его наследник появлялся справа от гроба. «Справа от несущих гроб – преемник Андропова Константин Черненко», – пишет журнал *Шпигель* от 14 февраля 1984 года, – «слева – Горбачев. Не случайно именно эти два человека возглавляют траурное шествие».¹⁷

В системе, в которой письмо не является гарантом законности, а закон существует как «неписанный», лишь княжеский терем, ориентированный на ближних лиц, способен до конца исполнять административные и защитные функции. Иерархия близости в русском обществе конца 17-го в. выстраивается по функциональному принципу, ориентированному на уход за телом государя: бояре, окольные, думные люди могли прямо входить в покоевы и жилые хоромы государя. Ближние бояре, то есть столтники и постельничьи, «уждав время», добивались даже до комнаты или кабинета царского. Для прочих чиновников верх дворца был недоступен.

Иллюстрация 3: Проксемическая дистанция как основа властного церемониала. Справа от Ельцина – шеф его охраны А. Коржаков

Примечательно, что по принципу царского терема обустроивался дом первого президента России Борис Ельцина. Предполагалось, что обслуживающий персонал, следивший за постелью и столом Ельцина, будет жить в доме вместе с государственными служащими. Роль шпильмана и глумо-

¹⁶ “Informierte Huldiger können aus der Reihenfolge, in der die Politbüromitglieder stehen, den Auf- und Abstieg, mithin die derzeit verbindliche Linie ablesen” (*Der Spiegel*. 14. 11. 1983).

¹⁷ “Rechts neben dem Sargträger Andropows Nachfolger Konstantin Tschernenko, links Gorbatschew – nicht zufällig führen diese beiden Männer den Begräbniszug an” (*Der Spiegel*. 14. 02.1984)

творца выполнял, например, юморист Задорнов. Вот что сообщает бывший охранник Ельцина Коржаков в своих мемуарах:

[...]Ельцин [...] считал: раз дом президентский, то в подъезде обязательно должна быть общая квартира – в ней Борис Николаевич хотел устраивать всеобщие торжества. Начали составлять списки будущих жильцов [...] на мое предложение поселить Юмашева в президентском доме Борис Николаевич прореагировал сдержанно: — Ладно, подумаем. Но если и поселим, то подальше от меня. Ельцин занял шестой этаж, а Юмашев получил квартиру на втором. Потом от Гайдара пришли гонцы. На разведку. Вскоре на каком-то совещании Гайдар подошел ко мне сам и стал жалостливым голосом просить:

— Александр Васильевич, нельзя ли поговорить с Борисом Николаевичем и его уговорить? А то я живу на первом этаже, мне так опасно.

— Ваше желание естественно, — отвечаю ему, — вы же исполняете обязанности премьер-министра. Я Борису Николаевичу скажу, но было бы неплохо, если бы вы сами об этом попросили. Виктора Бараникова, главу Министерства безопасности, Ельцин тоже назвал. [...]

Нашим соседом по дому стал и писатель-сатирик Михаил Задорнов. Его дружба с Ельциным завязалась еще в Юрмале, во время отдыха. Миша умел развеселить Бориса Николаевича: потешно падал на корте, нарочно промахивался, острил. И вот так полупшута вошел в доверие. Он любил рассказывать президенту про своих родителей – как им нелегко жить в Прибалтике.

Вскоре у него начались концерты, и он мастерски издевался над президентом в своих юморесках.

Соседями по дому стали мэр Москвы Юрий Лужков и первый вице-премьер столичного правительства Владимир Ресин. Их пригласил Ельцин. Сначала они оба деликатно отказывались, но потом пересхали.¹⁸

Фигура шута необычайно показательна в государстве, устроенном по модели проксемической коммуникации. В придворной культуре Европы шут выполнял роль «эластичной связки» в прямом общении монарха с подданными, карнавалю преобразуя верх в низ, власть в безвластие. Монарх и его шут создавали матричную нормативную основу, которая придавала стабильность политической жизни двора. «Самым видным, наиболее выдающимся предметом комнатной забавы», — замечает историк Иван Забелин в книге о быте русских царей, — «был дурак, шут. Это был [...] источник постоянного спектакля, постоянной утехи для всех комнатных дворцовых людей. [...] самих дураков и шутов обозначали шпильманами, глумотворцами, смехотворцами, сквернословцами и т.п. именами».¹⁹

Многоканальный характер социальной коммуникации становится особенно очевиден в ситуации коммуникативных сбоев, которыми сопровождается столкновение различных культурных установок. Наиболее трудно

¹⁸ Коржаков, А. 1997: Борис Ельцин: от рассвета до заката. Москва. Цит. по интернетной версии: <http://kulichki-jat.rambler.ru/moshkow/ТХТ/korg.txt>

¹⁹ Забелин, И. 1915: *Домашний быт русских царей*. Т. II. Москва, 258.

преодолеваемыми в международной коммуникации до сих пор слывут не языковые различия, но нормы использования невербальных (*кинетических*) знаков, которые разнятся от культуры к культуре. Задача дипломатии состоит в том, чтобы сразу навязать коммуникативному партнеру собственные правила игры, блокировав чуждый знаковый код.

В истории русских контактов с Западной Европой особое положение занимают ритуалы взаимных приветствий. Русскими особенно трудно осваивались симметрично организованные приветствия, входившие в западноевропейскую моду начиная с 15-го века и знаменовавшие собой освобождение коммуникативного кода от ранговых привилегий. Симметричность была тесно связано с развитием этикетных норм внутри дворянского сословия, которые имели тенденцию к уравниванию подданных различного происхождения. Другими словами, поклоны предполагались с двух сторон – со стороны высшего и низшего в социальной иерархии. Такие *нормированные* и требующие выучки ритуалы строились не на количественном, но на качественном принципе. Требовалась демонстрация знаний и грации при исполнении реверанса, в изысканной манере сидения (нога на ногу) и особенно стояния (придворная позура ориентировалась на третью позицию ног в балете).

Иллюстрация 4: Царь Петр I с маленьким королем Людовиком XV

В России ритуалы приветствия до конца 17-го в. иконически передавали позицию лица на социальной лестнице. Другими словами, менее знатный кланялся ниже, становился дальше, позволял себе в движениях меньше свободы. Идея симметричности умаляла достоинство великокняжеских родов. Петр Первый шокировал французских церемониймейстеров, когда отказался раскланяться перед пятилетним королем Людовиком XV. Вместо положенного этикетом реверанса, русский царь взял легитимного монарха на руки:

Царь сказал несколько коротких комплиментов. Но так как он принужден был постоянно наклоняться, чтобы говорить с наследником, он вдруг схватил короля, поднял его и держал в руках с выражением волнения на лице.²⁰

В условиях *проксемического* поведенческого кода правила приближения и удаления определяются однонаправленным вектором. Вышестоящий может сокращать и увеличивать расстояние до адресата. Нижестоящий обязан следить за сохранением дистанции. На вербальном уровне действует та же условная зависимость. Низший по рангу не может свободно выбирать и развивать тему, начинать и кончать разговор, независимо «передвигаться» в рамках беседы. Неслучайно, что ритуал приветствий в советском церемониале начинается с условной узурпации интимной дистанции. Знаменателен ритуальный поцелуй, которым советские руководители приветствовали главу другого государства, забирая коммуникативную инициативу в свои руки. Журналы 60-90-х годов изобилуют такими изображениями: Хрущев целует Фиделя Кастро, Брежнев целует президента Картера, Горбачев целует Чаушеску, Хонеккера и т. д. В контексте местничества при фиксированности семейных иерархий таким образом традиционно обозначалась позиция «большого» в роде: отца, дяди по отцовской линии или старшего брата. Поцелуй, данный младшему в роде или меньшему князю, в системе проксемического кода означал сокращение пути к дарским покоем и принимался боярином как милость.

Проксемические техники сближения и завоевания доверия во многих традиционных обществах сопровождаются ритуальным раздеванием, при котором собеседники символически обмениваются тайным знанием о теле другого. Адам Олеарий в своих мемуарах о России (1656) объясняет нелюбовь русских к Лжедмитрию тем, что он следуя польским обычаям, не ходил в баню, как это делают все русские: «Hieran merken die Russen auch,

²⁰ «... Le Tsar lui fit son compliment en peu de mots, mais comme il étoit obligé de se baisser beaucoup pour parler en face, il le prit tout à coup entre ses mains, l'enleva & le tint sur son bras de l'air le plus affectueux » (Stæhlin, J. 1787: *Anecdotes originales de Pierre le Grand*, Strasbourg, 38).

dass der falsche Demetrius [...] sich nicht nach Art der Russen so oft ins Bad begab». ²¹

Иллюстрация 5а, 5б, 5с: Брежнев и Громыко во время древнерусского ритуала целования гостей.

²¹ Olearius, A. 1656: *Vermehrte Neue Beschreibung der Muscovitischen und Persischen Reise*. Schleswig (= Deutsche Neudrucke, Reihe Barock 21. Hrsg. von E. Trunz. Tübingen 1971), 208.

В своих мемуарах *Дневник Президента* Ельцин говорит, что специально настоял на том, чтобы его встреча с канцлером Германии Коелем проходила в бане. «Недавно мы были на Байкале. Я его [Коля] пригласил туда», – вспоминает Ельцин, – «для меня было завлекательно пережить его лично, увидеть, как он ловит рыбу, и услышать, как он смеется, следовать его точной и легко сформулированной мысли. Мы ходили вместе в баню на берегу Ангары».²²

Состоявшийся разговор русский президент в своих воспоминаниях тесно увязывает с необычайно приятными ольфакторными и тактильными ощущениями:

[...] дерево приятно пахло. После того, как испотели, мы прыгнули в реку, холодная вода жгла кожу (там же).

Рассказывая о другом посещении бани в компании Илюшина и Суханова после своего возвращения из Америки в 1989 году, Ельцин напрямую связывает искренность политических дискуссий с ритуальным раздеванием и коллективным очищением тела. Баня стереотипически изображается в «Дневнике президента» как источник религиозного обращения. «Баня была полна до отказа», – пишет он, – «около сорока человек. Скоро мы ушли в политические дискуссии. Можно себе представить: сорок голых мужиков, все кричат, машут березовыми вениками и хлещут друг друга: «Держитесь, Борис Николаевич, мы с Вами!» [...] То, что все это происходило в бане, исполнено для меня символического значения. Баня очищает. Там все чувства очищены, а люди голы и обнажены». С тех пор мое мировоззрение изменилось», – продолжает Ельцин, – «я понял, что только в силу своего советского воспитания и по привычке я являлся коммунистом, но не по убеждению»²³.

²² Цит. по немецкому переводу: „Dann Helmut Kohl. Wenn ich ihn “meinen Freund Helmut” lenne, ist das keine familiäre Vertraulichkeit. Kürzlich waren wir zusammen am Baikal, ich hatte ihn dorthin eingeladen. Für mich war es faszinierend, ihn persönlich zu erleben [...] Wir gingen zusammen ins russische Schwitzbad, am Ufer der Angara, ein prächtiges russisches Badehaus aus gewaltigen hundertjährigen Baumstämmen. Das Holz duftete herrlich. Nach dem Schwitzen sprangen wir in den Fluss, dessen kaltes Wasser auf der Haut brannte. Dann führten wir ein langes Gespräch [...]“ (Jelzin, B. 1994: 139).

²³ „Meine Mitarbeiter und Freunde, Iljuschin und Suchanow, schleppten mich in ein ganz normales Schwitzbad irgendwo in Moskau. Sie wissen, wie sehr ich das mag. Die Schwitzkammer war brechend voll – etwa vierzig Mann. Bald waren wir mitten in einer politischen Diskussion, Man stelle sich vor: Vierzig nackte Männer, alle schreien, fuchteln mit den Birkenreisern in der Luft herum und klatschen aufeinander ein. „Halten Sie sich tapfer, Boris Nikolajewitsch!“ „Wir sind mit Ihnen!“ Und wie sie mir dabei den Rücken mit Birkenzweigen bearbeiten! Ein toller Anblick muss das gewesen sein. [...] Dass all dies im Schwitzbad geschah, hat für mich symbolische Bedeutung. Das Schwitzbad reinigt. Dort sind alle Gefühle rein, die Menschen aber sind nackt und bloß. Damals veränderte sich meine Weltanschauung. Ich begriff, dass ich

Мемуары, озаглавленные *Дневник президента*, – кто бы ни являлся их автором – сам Ельцин, журналист Юмашев или анонимный автор, – демонстрируют зависимость индивидуального политического поведения от укоренившихся культурных стереотипов. Мы сталкиваемся здесь не с явлением моды и даже не с бессознательно хабиитуализованной манерой поведения, но с феноменом *коллективной идентичности*. Коллективная идентичность предполагает, кроме бессознательного действия, еще и сознательное самописание, самоотслеживание и автоверификацию. Коллективная идентичность интегрирует личность в культурное сообщество, ориентированное на исторические прототипы.²⁴ Очевидно, что политические стереотипы ельцинской эпохи имеют глубокие социальные корни. Но показательна и сознательная культурная установка, ориентированная на поддержание индивидуального образа политика как коллективного образа. Можно утверждать, что проксемический коммуникативный код в контексте России несет конкретную культурную нагрузку, стабилизируя каналы коммуникации.

Очевидно также, что *проксемический* код культурного поведения отвечает тому государственному укладу, в котором общество обладает относительно низким потенциалом мобильности. Передвижения снизу вверх и сверху вниз ограничиваются рамками государственных элит и определяются персонально-политическими соображениями. Термин «рокировка» из административного жаргона Ельцина как раз и предполагает расчерченность социальной сцены по квадратам на манер шахматной доски. Перемещения между квадратами государственных учреждений не допускают свободной циркуляции кадров, но осуществляются рукой монарха при соблюдении дворцовых иерархий.

На символическом уровне подобная иерархическая организация общества встречает аналогию в многоярусной конструкции иконостаса. Интересно, что и сами многорядные иконостасы появляются на Руси в эпоху московского царства, символически отражая процесс расщепления элит и образования социальных иерархий.²⁵ На нижнем уровне многорядного иконостаса располагаются местные святые храма, выше праотцы, пророки – и в середине

meiner sowjetischen Erziehung nach und aus Gewohnheit Kommunist gewesen war, aber nicht aus Überzeugung. Dieses Schwitzbad ist mir bis heute unvergesslich geblieben" (ibid.: 145).

²⁴ Сходное понимание коллективной идентичности как коллективного «конструкта», «артефакта», «ритуала» демонстрируют работы: Hobsbawm, E. 1998: *Das Erfinden von Traditionen*, in: *Kultur und Geschichte. Neue Einblicke in eine alte Beziehung*. Hrsg. von Chr. Conrad und M. Kessel. Stuttgart, 97-121; Giesen, B. 1999: *Kollektive Identität. Die Intellektuellen und die Nation*. Frankfurt am Main.

²⁵ О реализации идеи иерархичности на разных уровнях культуры см. Смирнов, И. 1991: О древнерусской культуре, русской национальной специфике и логике истории, in: *Wiener Slavistischer Almanach, Sonderband 28*.

Иисус Пантократор. Сходство древнерусского и постсоветского политического мышления подтверждается изображениями Бориса Ельцина в виде иконы Пантократора. Харизма власти в этом изображении соединяется с сакральной символикой места, которое занимает икона Вседержителя в храме: традиционно она помещается в деисусном чине и является его центром. Христос на иконе Вседержителя представлен восседающим на престоле; он благославляет правой рукой, а левой придерживает Евангелие.

Говоря о стереотипах поведения русских политических элит, нельзя игнорировать механизмы переключения, которые присущи любому знаковому коду. Можно сказать и иначе: код поведения предполагает возможность сознательного и бессознательного выбора между двумя или несколькими стереотипами. Как и отдельно взятый стереотип, выбор между несколькими стереотипами никогда не является до конца произвольным. Как отдельный знак, так и отношение между знаками обусловлены процессом культурного отбора.

В этом смысле непосредственной альтернативой проксемического кода является не столько вербальный, сколько *кинетический* код поведения, связанный с движением в пространстве. В отличие от того символического порядка, который мы назвали вербальным, при котором в обществе циркулируют слова, письма, телеграммы, электронные сообщения, в условиях кинетического порядка слова циркулируют в обществе вместе с коммуникациями.

Кинетический код поведения развивается в результате отрицания проксемического порядка и разрушения местнического церемониала. В контексте России такое разрушение иницировалось сверху, и большей частью сопровождалось добровольным отказом самодержца от легитимного сидения. Примером может служить оставление трона Петром Первым во время великого посольства. Передав свое место кесарю Ромодановскому, русский царь демонстративно вышел из дворцовой иерархии. Переодевшись в простой кафтан, он сам стоял на козлах кареты. Являясь поначалу исключительной привилегией самодержца, «оставление места» связывалось с харизмой власти. Свой трон оставлял и Иван IV Грозный, грозя боярам отказом решать местные боярские тяжбы. К тому же ходу, и, видимо, не случайно, прибег Сталин после вторжения немцев в июне 1941 года. Тем самым Сталин заставил членов Политбюро приехать на Ближнюю дачу и просить его вернуться во власть.²⁶ На стыке двух кодов, *проксемического* и

²⁶ Весьма убедительно исследование Радзинского, согласно которому Сталин после начала войны в уединении перечитывал пьесу А.К. Толстого о Иване Грозном. В секретных письмах Сталин нередко подписывался «Иван Васильевич», с этим же самоотождествлением, видимо, связан и сделанный Сталиным заказ режиссеру Эйзенштейну на

кинетического, на границе двух ритуалов «парственного сидения» и «хождения царя в народ» складывались стереотипы русского политико-религиозного сознания.

К таковым относится, например, самозванчество, то есть незаконная узурпация чужого места и, наоборот, вера в возвращение легитимного царя на свое законное место. В политическом сознании советской эпохи необыкновенно значимым был культ советского разведчика, работающего тайно в чужом тылу. По данным опросов, этот культ, питаемый прославленным сериалом «Семнадцать мгновений весны», способствовал популярности нового российского президента Путина.

Сравнительно поздно в европейском контексте *кинетический* код поведения вводится в русский социум. Ранним примером может служить Учреждение Ассамблеи Петром Первым. В 1718 году появился соответствующий Указ, разрешавший свободное перемещение бывших бояр в царском окружении:

Во время бытия на ассамблее, – сказано в нем, – вольно сидеть, ходить, играть, и в том никто другому прешкодить или унимать, также церемонии делать вставаньем, провожаньем и прочим отнюдь да не дерзает.²⁷

Особенностью кинетического порядка в условиях России осталась его авторитарная управляемость. Другими словами, кинетический код долго не мог быть закреплен в поведении социальных актеров как коммуникативная стратегия. Это ярко проявилось, например, в организации русских танцевальных балов, которые существенно отличались от их западно-европейских прототипов. Поведение русского государя на танцевальных вечерах сильно разнилось с поведением французского короля. Людовик XIV, хотя и танцевал в балете, тем не менее не изобретал движений и фигурных траекторий сам, но соразмерял их с законом хореографии. Он выслушивал советы балетмейстеров, таких как Бошан или Рамо, подчеркивая этим, что политическая власть не возвышается над правилами искусства, но подчиняется им. Русский государь, как показывает пример Петра Первого, устанавливал порядок движения на балу по своему усмотрению. Царь сам выдумывал новые па, вставляя в неподходящем месте прыжки, плие, мешая минуэты с «цепными» танцами немецких крестьян. Каммергер Берггольд описывает в 1721 году вечер, на котором русский император развеселился и неожиданно некстати сделал каприоль, то есть легкий прыжок, который

постановку одноименного фильма об Иване Грозном. См. подробнее Радзинский, Э. 1997: *Сталин*. Москва.

²⁷ *Полное собрание законов Российской империи*. Петербург 1830. Т. 5: 598.

повторила вся свита.²⁸ На другом вечере, вспоминает Берггольц, «бедные старики так устали, что едва стояли на ногах и хотели сесть. Тут император начал польский танец, который уже совершенно надорвал пожилых дворян».²⁹

Единоличное определение самодержцем траекторий движений на танцевальном паркете сопоставимо с авторитарным распределением мест в условиях местнического церемониала. Таким образом, можно лишь условно говорить о модернизации русского поведения в контексте европейски ориентированных петровских реформ. Несмотря на двусмысленность преобразований, переходом от сидения к движению, от проксемической к кинетической коммуникации создавалась иллюзия перемен. Внешне идея движения и реформ реализовывалась в деконструкции местнического порядка, плакативного сокращения числа сидячих мест в Думе. По этому пути шел Петр Первый, окружив себя группой мобильных сподвижников, таких как Меншиков. С аналогичных реформ начал первый этап своего правления президент Путин, сокративший количество постов в совете Федерации и передав реальную власть своим семерым представителям, легатам.

Помимо абстрактных сравнений, есть все основания считать, что Путин выстраивал и продолжает выстраивать образ своей личности по аналогии с Петром Великим, рассматривая кинетический коммуникативный код в виде основы своего самодержавного порядка. Ельцин, как было показано выше, опирался на проксемические стереотипы эпохи московского царства. Описанные знаковые переключения, характерные для русского политического театра, могут ассоциироваться социальными актерами с «долгожданнами» или «неожиданными» переменами, создавая впечатление политического обновления.

Можно утверждать, что на рубеже 17-го – 18-го вв. в России складывается прототипический сценарий смены власти, который в дальнейшем разыгрывается на разных отрезках русской истории. Характерная пара – царь Алексей Тишайший и его сын Петр Первый Преобразователь. Первый правит на основе проксемики: переставляя подданных с места на место,

²⁸ „[...] der Kaiser, welcher sehr lustig war [machte] eine Capriole mit beiden Füßen zugleich nach den anderen“ (Bergholz, F.W. 1721-1725: Tagebuch, welches er in Russland von 1721 bis 1725 als holsteinischer Kammerjunker gefuehret hat, in: Buesching, A.: *Magazin für die neue Historie und Geographie*. 19. Teil (1721). Halle. 1785: 170).

²⁹ „Nun ging alles recht gut, und da dieser Tanz vorbei war, und die armen Alten [...] so müde waren, dass sie kaum auf den Füßen mehr stehen konnten, sich eben niedersetzen wollten, so ging der Kaiser wieder einen polnischen Tanz an, wodurch er denn endlich die alten Herren [...] dermaßen ermüdete, dass sie gewiss den folgenden Tag davon werden zu sagen gewusst haben“ (Bergholz 1721, ibd.: 171).

опираясь на Семью, персональные решения и дворцовый церемониал. Второй правит на основе кинетики, опираясь на мобильных государственных посланников, на идею эффективной службы и абстрактное понятие «нормы», не имеющее личностной отнесенности («диктатура закона»).³⁰ Похожие пары образуют «ретроград» Павел Первый и Александр Первый Преобразователь, далее «консерватор» Николай Первый и Александр Второй Преобразователь и т. д.

Знаменателен в этом контексте выбор портрета Петра, который Путин, еще не будучи президентом и словно чувствуя харизму перемен, заказал для своего кабинета в Ленинградской мэрии. В контексте русской православной культуры, в которой икона не только изображает божественное, но и сама наделяется божественным смыслом, вообще симптоматична история официальных настенных портретов, заменивших собой традиционные иконы.

Иллюстрация 6а: Изображение Ельцина в виде иконы Пантократора

³⁰ В своем интервью газете *Figaro* Путин дает понять, что его реформы направлены против олигархических «персон». Ср.: «После своего рода революции, произошедшей в 90-х годах, некоторые люди воспользовались дезорганизацией в государстве. [...] Я не хочу сказать, что есть две враждующие стороны: первая из которых государство, а вторая – олигархи. Я думаю, что в руках государства есть дубинка, которой можно ударить единожды. Но по голове. [...]» Интервью Путина газете *Figaro* цит. по интернетной газете: <http://www.gazeta.ru> от 13.11.2000.

Иллюстрация 7b: Бывший министр обороны Грачев под портретом Ельцина.

До 91-го года, – вспоминает Владимир Чуров, сотрудник Путина в мэрии, – кабинеты в Смольном были четко поделены: в кабинетах больших начальников видели два портрета – Ленина и Кирова, а в кабинете чиновников рангом ниже – один Ленин. После того, как их портреты сняли, остались только пустые крюки. И каждый выбирал, кого повесить у себя в кабинете вместо вождей революции. Все в основном выбирали Ельцина. Путин заказал себе Петра Первого. Ему принесли два портрета на выбор: один романтический портрет – молодой Петр, кудрявый, задорный, в годах времен «великого посольства»; второй, который Путин и выбрал, – гравированный, один из самых последних портретов Петра Первого. Портрет тех лет, когда, собственно, его реформы шли наиболее активно.³¹

Не только выбор портрета Петра, но и замыслы переноса столицы в Санкт-Петербург, а также реконструкция петровской резиденции в Стрельне³², которую Путин собирается использовать в личных целях, указывают на

³¹Геворкян, Н. 2000: *От первого лица. Разговоры с Владимиром Путиным*. Москва, 81.

³² «Здесь был царь Петр. А будет президент Путин. Фото Сергея Семенова», в: *Коммерсант*, 22-ого сентября. 2000, 1.

смену политических стереотипов. Переключение кода поведения особенно бросается в глаза не на вербальном, а именно на телесно-репрезентативном уровне, на котором оказываются релевантными исторические ориентиры. На смену мало мобильному «царю», как Ельцин называл себя сам, приходит мобильный царь-плотник, который сам выступает на борцовском ринге. Можно продолжить аналогии и указать на эмоциональный интерес Путина к оружию, к потешным полкам, который роднит его с символическим предшественником. Свое правление Путин начал, как и Петр, с осмотра оружейных заводов. «Лучше российского оружия ничего нет», – заявил президент в Нижнем Тагиле, – «стреляет точно, ездит быстро, прыгает на танках, как на велосипедах».

Иллюстрация 8: Портрет Петра I.

Характерно, что актуальная русская пресса переадресует Путину классические цитаты, связанные с именем Петра Великого, модифицируя, например, название популярного в советское время фильма, снятого по роману Пушкина «Арап Петра великого». Фильм назывался «Как царь Петр Арапа женил».³³ Тонкую интуицию при идентификации образов Путина и Петра Великого проявил поэт Владимир Нестеров, возродивший в начале путинского президентства жанр классической оды. То есть тот жанр, который теоретически разрабатывался Феофаном Прокоповичем в начале царство-

³³ «Как президент Путин страну поженил», в: *Коммерсант*, среда 31-ого мая. 2000, 1.

вания Петра Первого. Ода Нестерова Путину цитируется нами из панегирического издания «Любимый президент»:

Мы все сплотились возле Президента,
 Инаугурация торжественно идет,
 Владимир Путин за собою всех зовет,
 Он самый лучший, самый светлый гений,
 Да, для России это самый светлый день.
 Владимир Путин, как всегда, опять с народом,
 Он самый лучший наш российский Президент!
 Он дал нам клятву твердо на года,
 Да, он Россию возродил сегодня!
 Россия нерушимая с народом,
 Россия, всепобедная всегда.
 И высоко его Россия чтит,
 И бесконечно свято в него верит.³⁴

В одах Нестерова совершенно эксплицитно передано осмысление путинского президентства как нового крещения Руси:

Я в Путина верю,
 В Россию я верю,
 Через них я мир этот познал.
 Христос меня здесь вдохновлял,
 Христос меня к ним направлял,
 Познания истинной мера (там же).

В контексте путинских реформ символично не только возрождение жанра политической оды, но и светский стиль изображения главы государства: не в виде иконы, но в манере галантного портрета. Обратная перспектива иконы сменяется на портрете Возрождения прямой, рассчитанной на движение глаза в пространстве. На портрете Путина кисти Никаса Сафрнова, президент изображен на фоне располагающегося ниже башен Кремля и уходящего в даль русла Москвы реки. Бросается в глаза скрупулезно выписанная рука президента, лежащая на опоре. В 16-м и 17-м веках именно выписывание рук слыло особенно трудоемким и дорогостоящим художественным приемом. Руками, как и лицами, занимался сам мастер, остальные детали часто дописывали ученики.

Итак, по множеству стилистических деталей можно угадать изменение облика российских политических элит. В настоящее время в России происходят изменения, аналогичные преобразованию Московского царства в Российскую империю эпохи Петра Первого. При всей очевидности изменений, неизменным остается относительно низкий престиж вербального знакового кода. Новый президент пришел к власти, хотя и с лозунгами, но без полити-

³⁴ Цит. по *Коммерсант*, вторник 18 июля 2000, 7.

ческих и социальных программ, построенных по правилам риторического *inventio* и облеченных в слова по правилам *elocutio*.

Иллюстрация 9: Светский портрет Путина в стиле Возрождения

Система многоканальной коммуникации позволяет обнаружить неэффективность терминов «речь», «программа», «диспут», «словесные баталии» в приложении к российской политической культуре. Этот вывод подтверждает высказанную вначале мысль о слабости логоцентристских, опирающихся исключительно на литературные тексты подходов к изучению русской истории. Напротив, перспективным кажется нам комплексное исследование разнообразных медиумов, передающих культурную информацию, таких как икона, литературный текст, портрет, кинофильм. До сих пор внутри славистики не рассматривались идеи интеграции различных историй, как то: история живописи, история литературы, история церкви – в комплексное историческое знание о нормах и стереотипах коммуникации внутри одной культурной традиции.